

— Скорее бегите, Ваше Высочество!

— Что? — Си Лэ-ван, пребывая в полном замешательстве, лишь пошатнулся от того, что Дай Шэнъянь дернул его за собой, едва не сбив с ног.

Ассасин медленно приближался. Его клинок скользил по кирпичной стене, высекая искры и издавая неприятный, скрежещущий звук, от которого зубы ломило.

— Ты... ты... кто ты такой! — Си Лэ-ван указал на ассасина дрожащим пальцем.

Ассасин не ответил, лишь издал странный, давящийся смешок. Звук был тихим, словно убийца пытался сдержать его, но он все равно вырывался из самой глотки. Однако казалось, что окружающий воздух откликается эхом, вторя этому смеху, который нарастал слоями, заставляя кожу Си Лэ-вана и Дай Шэнъяня покрыться мурашками.

Си Лэ-ван пустился наутек, а Дай Шэнъянь бросился следом.

Они миновали несколько поворотов, и смех постепенно стих, пока не исчез вовсе. Только тогда они осмелились остановиться и, привалившись плечом к плечу к стене за углом, принялись судорожно ловить ртом воздух.

— Это был человек или призрак? — тяжело дыша, спросил Си Лэ-ван.

Дай Шэнъянь осторожно выглянул из-за угла, проверяя, нет ли преследователей. В тусклом свете тьма в конце коридора казалась бездонной, словно в любую секунду оттуда мог появиться ассасин с клинком в руке.

Он втянул голову обратно и прошептал:

— Какие еще призраки? Конечно, это чьи-то козни. Мы так бежали, что не заметили, как оказались далеко от поместья. Нужно скорее добраться до ямэня и попросить помощи.

— И то верно, — Си Лэ-ван попытался подняться, — только у меня совсем не осталось сил, дай мне передохнуть.

Си Лэ-ван опустил голову и вдруг замер.

Дай Шэнъянь, увидев его состояние, спросил:

— Что случилось?

Си Лэ-ван дрожащей рукой указал на землю и прошептал, чуть не плача:

— Смотри, у тени на земле будто три головы.

Дай Шэнъянь посмотрел под ноги. На земле распласталась крупная черная тень — тень Си Лэ-вана, а рядом — его собственная, худощавая. Но между ними отчетливо виднелась третья, голова поменьше, словно она росла прямо из их плеч.

Оба медленно подняли головы и встретились взглядом с безэмо Ационным лицом.

Незнакомец смотрел на них, а затем очень медленно растянул губы в улыбке, обнажив белые, как кость, зубы.

— А-а-а-а!

Си Лэ-ван и Дай Шэнъянь от ужаса едва не лишились чувств. Спотыкаясь и падая, они бросились прочь от дерева.

Ассасин спрыгнул со стены, мягко приземлился на землю и, подняв лицо, озарил их злорадной улыбкой.

— Гаруда из Цзялань Семи Листьев провожает Ваше Высочество в пределы вечного блаженства.

Голос был низким, лишенным половых различий, подобно шепоту призраков с древних пустошей — хриплый и вместе с тем отчетливый, он звучал то издалека, то прямо над ухом.

Кругом царил полумрак, лишь местами на стенах тускло светились фонари. Ассасин по имени Гаруда приближался шаг за шагом, подобно притаившемуся во тьме чудовищу.

Раз шаг, два шаг, три шаг.

— Не подходи! Не подходи! — Дай Шэнъянь и Си Лэ-ван пятились синхронно.

Гаруда вышла к границе света, и лучи луны осветили её плечи. На ней был черный наряд, а фигура была прямой и стройной, подобно журавлю. В тот же миг, когда тьма отступила от её лица, мелькнул ослепительный, как водная гладь, блеск клинка. Черная тень пронеслась между Дай Шэнъянем и Си Лэ-ваном. На мгновение им почудился плеск воды, а лица оросило чем-то теплым и липким.

Дай Шэнъянь остолбенел и медленно обернулся. Сначала взгляд упал на холодное лезвие, на

котором красовались выгравированные иероглифами стиля чжуань: Хэнбо. Подняв глаза выше, он увидел искаженное ужасом лицо Си Лэ-вана и ослепительно-красную кровь на его шее.

Кровь брызнула, попав ему на щеку.

Перед ним Гаруда по-прежнему злорадно улыбалась, а её губы, испачканные яркой кровью, приобрели пугающую, жестокую красоту.

Дай Шэнъянь в испуге отступил на два шага.

Только теперь он разглядел Гаруду. Это была красивая женщина, но слишком острые уголки бровей придавали её лицу оттенок кровожадности. Её красота была дикой и яростной, словно у леопарда, что вызывало у него трепет.

В голове Дай Шэнъяня решение созрело мгновенно. Затаив дыхание, он, преодолевая страх, бросился вперед, выхватил меч из ножен трупа и направил его на Гаруду.

Это был богато украшенный драгоценными камнями меч с белоснежным лезвием, в котором можно было увидеть свое отражение — под стать вкусу Си Лэ-вана. Но стоило Дай Шэнъяню обнажить оружие, как он понял, что обречен: меч оказался тупым. Даже если он когда-то упражнялся в фехтовании и не оставлял занятий, сейчас, каким бы мастером он ни был, его попытка была тщетной.

Но что с того?

Он вложил все свои силы, устремившись вперед, словно мотылек, летящий на огонь.

Даже если есть хоть крошечный шанс, нужно попытаться!

Сверкающий драгоценностями клинок рассек тьму ночи, подобно инею. Гаруда едва заметно вскинула бровь, встретила острие своим лезвием и, слегка повернув запястье, заставила воду-клинок соскользнуть, как рыбу, вдоль меча прямо к запястью Дай Шэнъяня, оставив глубокий порез.

От резкой боли Дай Шэнъянь выронил меч, с лязгом ударившийся о землю.

— Вы, книжники, все так любите лезть на рожон? — насмешливо спросила Гаруда.

Дай Шэнъянь закрыл глаза и вздохнул:

— Мое искусство уступает вашему. Делайте, что должны.

Гаруда похлопала клинком по его щеке и промолвила:

— Старик, а ты не попросишь пощады? Мог бы сказать, что дома престарелые родители и малые дети, целая орава ртов, которые ждут, когда ты их накормишь. Может, я бы и... хотя нет, все равно бы не пощадила.

Дай Шэнъянь выдавил из себя сухую усмешку, отдавая дань её шутке, а затем спросил:

— Перед смертью позвольте задать еще один вопрос. Почему вы решили убить князя?

Гаруда потерла подбородок, промычала что-то и ответила:

— В общем-то, это не секрет. — Она пнула жирное тело Си Лэ-вана. — Этот сукин сын, отъевшись до отвала, только и делал, что грабил женщин на улицах. Со всей округи в сотни ли вокруг Цзянчжоу всех красавиц тащили в этот дворец. Девушки становились рабынями, парни не могли найти жен. Гнев и обида людская — вот он и нажил себе врагов.

Дай Шэнъянь вздохнул:

— Мир несправедлив, но и вы, убивая, не творите справедливости. Он жил в роскоши и распутстве, но не отнимал жизни. То, что вы совершили, не есть следование воле Небес, а насилие под прикрытием боевых искусств.

— Следование воле Небес? — Гаруда рассмеялась. — Я получила деньги, а не наказ от Небес. Я следую воле денег.

Дай Шэнъянь молчал.

— К тому же, разве убийство — это величайший грех? Раз он мог считать красавиц игрушками, почему я не могу считать человеческие жизни пылью? Где здесь несправедливость? Ты разве не слышал: Небо беспристрастно и относится ко всем существам, как к соломенным собакам? — Она смотрела на тело князя сверху вниз, подобно храмовой статуе, с застывшей на губах зловещей улыбкой и равнодушным взглядом.

Дай Шэнъянь внезапно все понял. Он поправил одежду перед её тенью, закрыл глаза и подставил шею под удар:

— Прошу.

Он вытянул шею, словно старый гусь, которого тянут за голову. Его худощавая фигура, неспособная наполнить величественные широкие рукава халата, одиноко стояла на ветру. Пустые рукава развевались, делая его похожим на обряженное в одежды сухое полено, что

выглядело донельзя нелепо.

Гаруда снова рассмеялась, и прежний холод в её глазах внезапно исчез:

— Эх, на самом деле все можно обсудить. У меня как раз есть дело, в котором мне нужна твоя помощь.

Дай Шэнъянь ответил:

— Я не совершаю подлых поступков.

Гаруда отозвалась:

— Знаю, знаю. Дело вот в чем: я тут по глупости обзавелась ребенком.

Она произнесла это так, словно подобрала на дороге щенка, причем не особо желанного. У Дай Шэнъяня дернулся глаз, он промолчал.

— Я человек неграмотный, в голове пусто. Месяцами мучилась, так и не придумала достойного имени. Слышала, ты известный ученый муж. Если считать от великого учителя Конфуция, то после Мэн-цзы и Чжу-цзы идешь ты. — Гаруда достала из-за пазухи бумагу и протянула Дай Шэнъяню. — Это дата рождения моего сына. Посмотри, вычисли инь-ян, восьмиграмму, стихии металла, дерева, воды, огня и земли, и выбери хорошее имя. Тогда я тебя отпущу. Я всегда уважала книжников, по-моему, честная сделка, не находишь?

Дай Шэнъянь покачал головой:

— Не говоря уже о том, что я не сведущ в гаданиях, вы — бандит, а я — чиновник. Даже если вы пощадите меня, завтра я буду обязан расклеить ваш портрет на городских стенах. Здесь ничего не поделаешь, действуйте.

— Ну почему ты такой упрямый? Ладно, клей, если хочешь. Неужели эти дармоеды из ямэня смогут меня поймать? — Гаруда сунула листок в руку Дай Шэнъяню и ткнула клинком в плечо.
— Живее, я тороплюсь.

Дай Шэнъянь глубоко вздохнул, подавляя в себе сложную смесь чувств.

Гаруда была жестока и холодна, когда убивала, и донельзя легкомысленна, когда не убивала. За всю свою долгую жизнь он не встречал никого подобного.

Возможно, все те, кто прошел через реки крови и горы трупов, так или иначе немного

безумны...

Взглянув на желтую бумагу, а затем на лезвие Хэнбо у своего плеча, он подумал и сказал:

— Предлагаю имя Лянь. В стихах говорится: «Сила разливается по зеленым полям за пределами туманов, тень падает между колеблющихся волн». Это очень подходит к названию вашего клинка.

— «Тень падает между колеблющихся волн»... — Гаруда повторила про себя несколько раз, и её губы тронула довольная улыбка. В её глазах сквозила скрытая злоба, отчего эта добрая улыбка казалась по-своему зловещей. Дай Шэнъянь прикрыл бьющееся сердце и чуть отступил.

— Недурно, совсем недурно! Пусть будет это имя, спасибо!

Гаруда убрала клинок и, не оглядываясь, пошла прочь, помахав рукой. Дай Шэнъянь остался стоять на месте, глядя, как ассасин растворяется в темноте.

С тех пор он больше не встречал её. Но имя Гаруда уже прогремело на всю округу, став целью номер один для властей. Однако двенадцать лет никто не знал, где она скрывается, известно было лишь одно: там, где она появлялась, кто-то неизбежно погибал от клинка Хэнбо.

Клинок Хэнбо стал первым среди оружия Ассасинов Цзялань, и в мире не было того, кто не знал бы имени Гаруды.

Се Цзинлань слушал, чувствуя, как внутри все холодеет. Его поразило не столько само имя Гаруды, сколько имя, выбранное Дай Шэнъянем — Лянь.

Он вспомнил кинжал и скрытый арбалет Сяхоу Ляня, а также его рассказы о непутевой, но искусной в ремесле матери, и в голове возникла страшная догадка, от которой руки и ноги сковало холодом.

Он слышал байки об ассасинах Цзялань — ими пугали детей на улицах, когда-то и Матушка Лань так же пугала его. Он полагал, что все это лишь слухи сплетниц или сюжеты театральных постановок.

Кто бы мог подумать, что настоящий ассасин находится прямо рядом с ним.

В его голове долго метался образ ассасина и Сяхоу Ляня, никак не желая слиться воедино. Он верил, что Сяхоу Лянь — уличный оборванец, болтливый воришка, дикий ребенок из гор, но никак не мог поверить, что тот — хладнокровный убийца.

Он вспомнил, как Сяхоу Лянь сутками бездельничал, ловя птиц, дразня собак и заигрывая с

кошками, вспомнил его спящее лицо с пускающим слюни ртом. С противоречивыми чувствами он подумал: если все ассасины такие пройдохи, как Сяхоу Лянь, то эти Цзялань, кажется, вовсе не так страшны.

Власти, как обычно, только и умеют, что зря есть казенный рис.

Дай Шэнъянь, не заметив странностей Се Цзинланя, смотрел в окно на горы и туманы, едва слышно вздыхая.

В комнату вбежал слуга и доложил Се Цзинланю:

— Третий молодой господин, Сяхоу Лянь упал с крыши, вогнал занозу в плечо, его только что доставили в поместье.

Се Цзинлань резко встал:

— Что ты сказал!

Поспешно добравшись до Двора Осеннего Тунгового Дерева и распахнув дверь комнаты, он увидел Сяхоу Ляня, который лежал на кровати, жалобно постанывая. Его плечо было обмотано слоями бинтов, половина тела перевязана, а на ткани виднелись пятна крови.

Увидев, что у того еще есть силы скулить, он почувствовал, как тревога отступила. Он сел у края лежанки и с оттенком злорадства сказал:

— Как же ты себе башку не разбил? Посмотрим, полезешь ли ты в следующий раз по крышам и заборам.

Лекарь еще не ушел, и Се Цзинлань, повернувшись, принялся подробно расспрашивать его о ранах Сяхоу Ляня. Убедившись, что требуется лишь покой и ничего серьезного нет, он велел Матушке Лань проводить гостя.

— Хорошо еще, что управляющий оказался милосерден и пригласил известного врача из клиники Мяошань. Иначе с твоим положением, да еще при том, что молодой господин не в фаворе, кто бы стал возиться с лечением? Перевязали бы наспех, и дело с концом, потом бы еще осложнения пошли, — вставила Ляньсян.

Сяхоу Лянь так торопился поведать Се Цзинланю об увиденном, что не слушал Ляньсян. Он изо всех сил подался вперед и ухватил Се Цзинланя за руку.

Ляньсян прикрикнула:

— Ты что творишь? Швы разойдутся!

— Молодой господин, — прошептал Сяхоу Лянь, — пока я гулял, я подслушал, как несколько разбойников зарились на богатства семьи. Похоже, они замыслили недоброе, вплоть до убийства. Скажите главе дома, пусть будет начеку.

— Ты ради этого полез подслушивать и свалился? — спросил Се Цзинлань.

— Э-э... вроде того.

Се Цзинлань ответил:

— Пускай воруют, во Дворе Осеннего Тунгового Дерева из ценного только горшки, да книги с бумагами, все равно ничего не унесут. Стоило ли ради этого так калечиться?

— Но я слышал, они хотели убить... Я боялся, что с главой дома что-то случится...

Се Цзинлань прервал его:

— Умрет так умрет. Все равно он занимает место, но ничего не делает, только и знает, что слагать стихи и зарабатывать пустую славу. Если освободит место для кого-то более достойного, то это будет даже благом.

Ляньсян охнула и поспешно закрыла двери и окна:

— Молодой господин, не говорите ерунды, кто-нибудь услышит.

— ... — Сяхоу Лянь не нашелся что ответить, помолчал немного и добавил: — Если глава дома умрет, вы станете сиротой.

— А я разве сейчас не сирота? — равнодушно отозвался Се Цзинлань.

— Пожалуй, так и есть, — Сяхоу Лянь выдавил слабую улыбку.

Его лицо было белым, как бумага. Сказав это, он утомился и закрыл глаза. Се Цзинлань смотрел на него и, протянув руку, убрал прядку волос с его щеки.

Этот парень пострадал ради него.

В сердце Се Цзинлани разлилось тепло, и он невольно смягчил голос:

— Заботься лучше о себе, Сяхоу Лянь. Мои дела тебя не касаются. Я — господин, ты — слуга, твое дело — прислуживать мне. Об остальном позабочусь я.

<http://bllate.org/book/26257/3145238>